

РЕЦЕНЗИЯ НА КНИГУ:

**РЕПНИКОВ А. В. КОНСЕРВАТИВНЫЕ ПРЕДСТАВЛЕНИЯ О ПЕРЕУСТРОЙСТВЕ
РОССИИ (КОНЕЦ XIX – НАЧАЛО XX ВЕКА) :**
МОНОГРАФИЯ / ПОД РЕД. ПРОФ. В. В. ШЕЛОХАЕВА. – М. : ГОТИКА, 2006. – 424 с.

Вопросы изучения российского консерватизма конца XIX – начала XX в. стали актуальными в России в начале 1990-х гг. В то время данная тема не только являлась «белым пятном» в только формирующейся современной российской историографии, но и воспринималась как одиозная. Обращение к этому вопросу наталкивалось на обвинения в «черносотенстве», «антисемитизме» и т.п. И дело здесь было не только в политических пристрастиях историков, широких общественных кругов того времени, обстоятельства были таковы, что за весь советский период консервативный спектр общественно-политической мысли дореволюционной России подвергся самой пристрастной диффамации. По сути, фальсифицировалась история предреволюционной России. Конечно, и до революции противники консерваторов выливали «ушаты грязи» на своих оппонентов. Как отметил автор рецензируемой монографии, пересмотр разоблачительного подхода обозначился уже в «Вехах» (с. 23). Например, после революции известный либерал и в прошлом марксист П. Б. Струве, создавший в эмиграции «Лигу русской культуры», шутил, что эта Лига представляет собой выраженное в иностранных словах понятие «Союз русского народа» (с. 24).

В советское время отсутствие конкуренции научных и политических идей, почти полная недоступность определенных исторических источников делали саму возможность что-либо противопоставить общественным стереотипам и установкам коммунистической пропаганды практически нереальной. В результате «сложился критический подход к отечественному консерватизму» (с. 21). В итоге в сознании историков, как и в общественных представлениях о правых, оформился мифологизированный, не адекватный реалиям образ консерваторов-монархистов начала XX в.: «враги свободы», противники «прогресса и модернизации», поборники «отсталости», занимавшиеся погромами, «травлей инородцев» и т.д. Словом, сплошные «темные силы» российской истории. Всё это способствовало не только искаженному представлению о консерватизме, но и неадекватному пониманию социально-политических, экономических реалий России начала XX в., в то время как без объективной оценки роли и места консерваторов в общественно-политической жизни невозможно понять, что представляла собой реально предреволюционная Россия. В связи с этим приобретают большое значение работы историков, которые, по словам А. В. Репникова, помогают «формированию

адекватных представлений об историческом облике консерватизма в самодержавной России (с. 10) рубежа веков». Автор рецензируемой монографии анализирует и опровергает многие мифы и стереотипы, сложившиеся в представлениях о консерваторах.

Хотя консерватизм и является «интернациональным идеологическим феноменом», однако, по мнению Репникова, нет консерватизма «вообще». Ссылаясь на К. Н. Леонтьева, автор отметил, что либерализм везде одинаков, а консерватизм «у турка – турецкий, у англичанина – английский». Национальные консерватизмы различны по своей природе, поскольку они национальны, даже «националистичны» (с. 13). В то же время консерваторы отвергали «тезис об универсальности либеральных политических форм» (с. 135), поскольку «на Западе либеральные идеи были “выстраданы” и “выношены” обществом, а не калькировались слепо по чужим образцам» (с. 134). Поэтому «все попытки создания русской национально-либеральной доктрины потерпели фиаско как в теории, так и на практике» (с. 103). Важным является и рассуждение Репникова о соотношении терминов «правые» и «консерваторы». Он приходит к заключению, что не «все консерваторы – правые, но не все правые – консерваторы» (с. 14). Однако, как следует из книги, применительно к тогдашним реалиям термины «правые», «монархисты», «консерваторы» были тождественны.

Одним из главных тезисов книги является то, что консерваторы вовсе не были противниками реформ, а выступали за «консервативное реформирование». Репников также пытается «преодолеть дихотомию “реформа” – “контрреформа”», в которой консерваторы, безусловно, «контрреформаторы», а либералы и социалисты, в свою очередь, безусловные сторонники «реформ» и «прогресса» (с. 8). Кроме того, в работе присутствует попытка отделить консерватизм от традиционализма (с. 11–12). Насколько можно понять, консерватизм надо отличать от традиционализма как приверженности традиции, являющейся слепым следованием устоявшимся нормам, установкам. Данное отличие заключается в том, что консерваторы подходили к традиции критически; критерием полезности, «нужности» и «правильности» той или иной традиции являлось ее соответствие консервативным установкам и способность традиции содействовать прогрессу и модернизации страны.

В связи с этим Репников отметил, что М. Н. Катков, К. П. Победоносцев и другие были либералами

1860-х гг. и сторонниками реформ. Причем Победоносцев был одним из авторов судебной реформы (с. 167), долго сохранял веру в прогресс, а Л. А. Тихомиров «пытался перенести свои народнические симпатии на новую монархическую почву» (с. 170). Консерваторы симпатизировали славянофильской идее Земского собора (по сути конституционной и либеральной), которую пытался реализовать граф Н. П. Игнатьев (с. 172–173). Однако проект Земского собора был «торпедирован» Победоносцевым при поддержке Александра III (с. 175). Власть обоснованно считала, что нужно «подморозить Россию», нужна стабилизация (а не непрерывные реформы), чтобы нововведения прочно укоренились на российской почве (с. 177).

Весьма интересны страницы книги, посвященные отношению консерваторов к «цене прогресса». Консерваторы не были против прогресса «вообще» (прогресс – это не «хорошо» и не «плохо»), они лишь отвергали «отвлеченные схемы и мифы» интеллигентов, веривших в безусловное «благо» прогресса (с. 158). Консерваторы относились настороженно к его отрицательным сторонам, которые старались сгладить. Они были против «излишней быстроты» реформ и модернизации и считали, что прогресс не компенсирует «нравственных потерь» общества (с. 101). Это сопрягалось с интересом консерваторов к «проблемам нравственного и физического здоровья нации, и даже проблемам экологии» (с. 108). Репников отмечает, что в критике прогресса консерваторы «заглянули на годы вперед, выявив... негативную сторону модернизации» (с. 110).

Важным является рассмотрение в книге установки «Православие. Самодержавие. Народность». Консерваторы в начале XX в. понимали, что данная модель устаревает, но они наполняли ее «национальным содержанием», «использовали в политической борьбе», пытались приблизить к современным реалиям. Необходимо было разработать новую «политико-правовую модель самодержавной власти» (с. 128). В этом вопросе их подход по-прежнему оставался патриархальным: «Самодержавная власть – огромная личная ответственность монарха перед Богом» (с. 129). Однако «не отвергая утверждения о монархе как помазаннике Божием» консерваторы рассматривали «монархический принцип в перекрестье государственности, религии и нравственности, дополняя... историко-юридическим обоснованием своих взглядов» (с. 139). Консерваторы считали, что «Самодержавие, нарушающий свои же законы, теряет право на власть» (с. 147). Они были противниками отождествления абсолютизма и самодержавия, которые «абсолютно противоположны по своей сути». При этом консерваторы отмечали: «гуманность и великодушные, царские... мягкие законы... недостой-

ными и невежественными подданными трактуются как слабость» (с. 132). Хотя тезис о «слабости» царя разделялся многими консерваторами, которые, на наш взгляд, и были его авторами.

В итоге царь рассматривался как третейский судья, примиряющий классы, сословия и т.д. (с. 195). Правые полагали, что «исполнение монархом роли арбитра в регулировании отношений между различными социальными слоями должно было привести к установлению и укреплению “социального мира”»; они «не отрицали наличия эксплуатации, но хотели обуздать ее... государственным регулированием» (с. 366, 372), «интересы пролетариата должны защищать закон и правительство» (с. 381). Репников отметил: «критикуя на примере Англии теорию “общегосударственного” государства, Тихомиров утверждал, что, ограничив сферу деятельности государства пределами сугубо политической жизни, английское правительство породило в социальной сфере анархию и вседозволенность, предоставив хорошо сплоченному сословию предпринимателей возможность беззащитной эксплуатации пролетариата» (с. 366). Кроме того, консерваторы находили оригинальный и корректный аргумент в пользу «неограниченного самодержавия»: «Ограничивая власть Государя, разве можно будет... конституционным правлением даровать народу... реформы? В 1861-м году ограниченный Царь разве мог бы освободить крестьян?» (с. 275). Действительно, в тех конкретных исторических условиях именно монархия являлась «двигателем прогресса». Таким образом, консерваторы отводили царю роль регулятора социальных отношений. Подобный подход можно назвать как патерналистским, так и социалистическим.

В книге Репников уделяет повышенное внимание взглядам консерваторов на «конфессиональный и национальный вопросы», которые занимали огромное место в системе взглядов правых.

Консерваторы были людьми религиозными и видели в православии основу «русской жизни». Однако многие правые выступали противниками упразднения патриаршества, критиковали Священный Синод за бюрократизацию церковной жизни и пр.; в то же время противники восстановления патриаршества были и среди правых («православный папизм»). В их числе – Победоносцев, который считал, что синодальный период церковной истории «настолько нивелировал епископов, что из их среды невозможно выбрать “независимую личность”, сумевшую выполнить миссию объединения сил духовенства перед лицом революционной опасности». Правда, упрек Репникова Победоносцеву выглядит неубедительным: «в годы оберпрокуратуры Победоносцева преследовалась всякая попытка высказывать самостоятельное суждение по церковным вопросам»

(с. 79–280). За 200 лет синодального периода епископы превратились в государственных чиновников в рясах; это произошло задолго до Победоносцева, и он просто продолжил устоявшуюся традицию.

Правые отнеслись отрицательно к Манифесту 12 декабря 1904 г., обещавшему «укрепить начала веротерпимости». Указ не коснулся самой православной церкви, продолжавшей оставаться под опекой государства (с. 279). Кстати, после Манифеста о веротерпимости 17 апреля 1905 г. многие православные церковные либералы поправили, поскольку, по сути, указ поставил все христианские конфессии в равное положение, а церкви как организации это было невыгодно. Получалось, что церковь желала избавиться от «государственной опеки», однако с помощью того же государства пыталась сохранить первенствующее положение. Репников заключил, что попытка «неоконсервативной реформы» церкви оказалась в целом неудачной (с. 292). Патриаршество будет восстановлено, но в 1917 г., когда это произойдет, в Петрограде большевики уже захватят власть, а в Москве будут идти бои и литься кровь.

Что касается национального вопроса, то правые понимали под «народностью» как русский национализм, так и «политическую и этническую общность, культурно-конфессиональное объединение с открытыми границами» (с. 305). Другими словами, к «единому знаменателю» в национальном вопросе они так и не пришли. Критерии определения «нации» у правых были слишком расплывчатые. Расистские взгляды, хотя и принимались некоторыми правыми, но не получили широкого распространения. Например, А. С. Шмаков считал расу «основным фактором в государственных и социальных проблемах» (с. 307–308, 311). В целом, русские консерваторы отрицательно относились к полякам и евреям. Например, В. А. Грингмут «записывал в революционеры всех евреев» (с. 310). В то время как другие правые утверждали, что «жид – капиталист» и «не должен быть допущен к власти» (с. 393). Правда, были и исключения. Так, Шарапов был «полонофилом» (с. 297). Кроме того, Репников также отмечает непричастность правых идеологов к еврейским погромам 1905 г. и осуждение церкви их представителями, например, Антонием Храповицким, брошюра которого с проповедями против погромов распространялась еврейской общиной (с. 317, 319).

В силу своего традиционализма, считает Репников, «консерваторы выступали за сохранение сословной иерархии» (с. 156), поскольку в идеале «монарх опирается на олигархию, а в низовом звене, на уровне низшего самоуправления, действуют демократические принципы» (с. 138). Как отмечает Репников, от консерваторов (в частности, Тихомирова) исходили упреки в том, что власть заставляет народ «прибегать

к формированию политических партий», в то время как нужны сословные выборы в Государственную Думу для выражения интересов сословий (с. 183).

Интересны также взгляды консерваторов на идею представительной монархии. Как можно понять, почти все консерваторы идею народного представительства в принципе признавали. Например, С. Ф. Шарапов считал, что Дума необходима, так как освобождает самодержца от решения многих второстепенных вопросов и делает народ ответственным за эти решения (с. 186).

Известно, что в вопросах территориального устройства правые были сторонниками унитарного государства, «единой и неделимой» России, т.е. унификации территориального управления, и противниками федеративного устройства. Однако среди правых были и федералисты. Так, Шарапов выступил с проектом федеративного территориального устройства страны, причем считал, что оно должно быть «в виде» США, где «широкое местное самоуправление» сочетается с центральной властью и «выборным президентом». Вместо президента в России Шарапов предлагал поставить «неограниченного монарха» (с. 187–189), при этом низшей административной единицей сделать церковный приход, который стал бы и экономической единицей, и производственной – общиной (с. 189–190). В последнем вопросе, по словам Репникова, во взглядах Шарапова сказались сильные «примеси» социализма, в том числе и в его народническом варианте.

Рассматривая взгляды консерваторов на социально-экономические проблемы, Репников отметил слабость их экономической программы. Отношение консерваторов к экономическим проблемам объяснялось их реакцией на модернизацию России. Они понимали, что к XX в. развитие страны привело к переходу от натурального хозяйства к денежному (с. 107), т.е. экономические основы прежнего социального устройства безвозвратно ушли в прошлое. Сместив акценты, отметим, что программа правых в вопросах экономики была лишена свойственного социалистам доктринерства, они высказывали адекватные сложившимся реалиям взгляды на экономические вопросы. Например, денежная реформа, проведенная И. А. Вышнеградским в 1870-х гг., основывалась на рекомендациях, данных Н. Я. Данилевским (с. 103–104). Вместе с тем некоторые консерваторы критиковали реформу денежного обращения С. Ю. Витте, поскольку она, по их мнению, ставила Россию в зависимость от «международной биржи» (с. 384–385). За проведение денежной реформы, сделавшей рубль одной из самых стабильных мировых валют, принесшей несомненную пользу России, Витте обвинялся в связях с «еврейскими банкирами», его обзывали «жидомасоном» и т.д.

Многие правые критиковали приток в Россию «иностранный капитал»; как они полагали, это угрожало независимости и безопасности страны. Однако П. Н. Дурново считал, что приток иностранного капитала «неизбежен», поскольку иностранный капитал нужен России (с. 389). Некоторые консерваторы выступали за экономическую автаркию.

На наш взгляд, в указанных вопросах проявлялись исключительно узкокастовые интересы немногочисленного, но очень влиятельного слоя крупных производителей товарного хлеба, к которым принадлежали как идеологи, так и лидеры консерваторов: К. Н. Пасхалов, князь А. Г. Щербатов, Шарапов и др. Они были заинтересованы в «слабом», «бумажном» рубле, в сохранении поземельной общины как источника бедности. Дело в том, что слабым рублем оплачивались все расходы производителей внутри страны, включая поденный труд (бедность крестьян гарантировала дешевый труд), транспорт, налоги и пошлины, а доходы получались в твердой валюте. Кроме того, развитие промышленности в городах, укрепление крестьянской частной собственности, постепенное расширение свободы передвижения крестьян способствовали оттоку рабочей силы из деревни, что опять-таки было невыгодно крупным производителям хлеба. Отсюда вытекают все «оригинальные» взгляды консерваторов: укрепление сословного строя, настороженное отношение к развитию промышленности и т.д.

Однако, по словам Победоносцева, «бессознательность» масс миновала к началу XX в. (с. 105). Прежде спокойные и патриархальные крестьяне в 1905 г. «заволновались». Требовалось срочно решать проблему аграрного перенаселения, и путь был один – консерваторы поддерживали установку на неприкосновенность частной собственности, которую Тихомиров считал «неотъемлемым правом человека» (с. 365). Вот почему консерваторы резко критиковали передельную общину, поддерживали столыпинскую аграрную реформу. Например, К. Ф. Головин считал, что «никакое обеспечение наделом не в состоянии помешать естественному ходу развития, в силу которого одни крепнут и богатеют, а другие обречены на экономический застой, приводящий мало-помалу к обезземеливанию, даже при неотчуждаемости отведенного надела» (с. 362–363). Консерваторы ставили под вопрос и проблему пресловутого «малоземелья» как причины бедности крестьян, считая, что дело не в малом количестве земли у крестьян, а в «недостаче земли для сохранения стародавних форм экстенсивного хозяйства» (с. 356). Одна из главных причин аграрных волнений, по мнению консерваторов, заключалась в том, что крестьяне «после отмены крепостного права не смогли выдержать испытания свободой» (с. 361); причина бедности в том, что «народ спился, одичал, озлобился, не умеет и не хочет

трудиться» (с. 355). Благодаря отмене крепостного права «свободные от труда крестьяне выродились в горьких пьяниц и лентяев на казенном “пособии”» (с. 361). Увеличение благосостояния заключалось в повышении производительности труда, а не в распределении и государственной помощи. М. О. Меньшиков считал, что «для улучшения условий своего существования пролетариат должен не бастовать, а работать» и «уступки забастовщикам формируют у рабочих иждивенческую психологию вечно недовольных людей, привыкших обвинять в своих бедах работодателей» (с. 378).

Суммируя взгляды консерваторов, Репников пришел к выводу, что «в экономической сфере идея государства, которое в первую очередь защищает интересы “слабых”, вполне укладывается и в православную, и в социалистическую традицию. С другой стороны, в консервативной среде были сторонники идеи минимального вмешательства государства в экономику» (с. 496). Таким образом, в социально-экономических вопросах правым был свойствен умеренный социал-реформизм, что, на наш взгляд, сближает их с современными социалистами европейских стран (с. 397).

Отметим также, что в монографии присутствует тема критика социализма консерваторами, полагавшими, что социализм есть не «восстание труда против капитала, а бунт трудовой посредственности против трудового таланта» (с. 409). Одни консерваторы пытались найти «иудейские», «антихристианские», «масонские» корни социализма (с. 112), рассматривали социализм как реакцию «на бессовестное господство денег» (с. 117), другие видели в социализме «религию ненависти» (с. 383). Следует сказать, что взгляд консерваторов на социализм был реалистичен и полностью лишен оптимистических ожиданий. Они считали, что социализм построит «новую иерархию» общества, основанную на «железной дисциплине». Возникнет некий «социалистический феодализм, в котором будет подчинение общин государству» (с. 115) и «русские социалисты станут последовательными государственниками» (с. 118). Однако некоторые консерваторы отмечали и положительные стороны социализма: равенство, подчинение всех членов определенного коллектива неким общим целям. Например, Леонтьев выступал за синтез «самодержавия и социализма» (с. 180). Консерваторы считали, что «социализм придется испробовать» (с. 409).

Интересны и «представления консерваторов о месте Российской империи в мировом пространстве». Репников отмечает определенную симпатию к Азии как противоположности Европе, которую консерваторы критиковали за «бездуховность» (с. 354). Хотя, надо заметить, что среди консерваторов было и нема-

ло «западников». Что касается европейских отношений, то среди консерваторов были как «германофилы», так и «франкофилы» и «англофилы». Например, А. А. Майков считал, что Англия «всегда была врагом России (Крымская война, Берлинский конгресс, помощь Японии, Финляндии в революции 1905 г.), только немецкая угроза заставила Англию искать союза с Россией» (с. 239). При этом Репникову следовало бы отметить, что Англия долгое время была крупнейшим торговым партнером России, оказывала помощь в Северной войне, была союзником в войнах с Наполеоном. Репников приходит к выводу о том, что у консерваторов отсутствовало единство взглядов на внешнюю политику. Это было связано с «переориентацией государственного курса от союза с Германией – к союзу с Англией» (с. 260).

В монографии содержится разбор оценок консерваторов. Интерес представляют отмеченные различными исследователями примеры общности взглядов консерваторов и фашистов. Российские консерваторы рассматриваются как предшественники фашистов (с. 21). Либерально-социалистические историки, на наш взгляд, намеренно «свалили в одну кучу» и правых консерваторов, и национал-социалистов, определяя их потерявшим смысл термином «фашизм», относящимся к конкретной левой националистической партии в Италии. Национал-социалистическая рабочая партия Германии исповедовала революционную, социалистическую идеологию. Хотя необходимо добавить, что некоторые консерваторы-эмигранты с симпатией относились к Б. Муссолини и А. Гитлеру.

Особый интерес представляют выводы Репникова о причинах «проигрыша» консерватизма: «все попытки консерваторов воплотить исповедуемые идеи в жизнь потерпели поражение». Одной из причин поражения консерватизма в начале XX в. стало то, что «правительство и Николай II делали ставку не на творческое начало в консерватизме, а на его охранительную составляющую» (с. 472). Кроме того, многие идеи консерваторов оказались невостребованными (с. 196). «Верхами» овладели буржуазно-либеральные идеи, а низами – социалистические. Отсюда проигрыш консерваторов, которые остались не у дел (с. 492). Кроме того, и сами консерваторы ясно понимали, что в вопросах социальных, политических, религиозных «вернуться» из XX в. в XVI–XVII вв. невозможно (с. 288). Патриотическая идея,

которую пытались «оседлать» консерваторы, оказалась востребованной обществом, однако в 1914 г. выяснилось, что патриотами также могут быть и либералы, и социалисты (с. 496).

Однако, на наш взгляд, следует задать обоснованный вопрос, а какие силы в 1917 г. «выиграли»? Если смотреть с точки зрения «выигрыш – проигрыш», то надо исходить не из вопросов об успешной подготовке переворота, захвата власти и ее удержания. Все эти «технологии» являются лишь средством для реализации собственных установок. Леволиберальные деятели Февральской революции уже в 1917 г. продемонстрировали собственную несостоятельность и реальное банкротство своих идей. Что касается большевиков, то им удалось не только захватить власть, но и удерживать ее довольно продолжительное время. Однако ни одной из идей, ни главных, ни второстепенных, заявленных коммунистами, реализовать не удалось. Почти вековой коммунистический эксперимент в России закончился полным крахом, банкротством коммунистической идеи. Опыт коммунистических диктатур XX в. показывает, что реализовать за-явленные цели коммунистам не удастся никогда. Таким образом, проиграли не консерваторы, а, по известному высказыванию А. И. Солженицына, «проиграла Россия», причем «весь XX век».

Однако идеям, как подчеркнул Репников, не свойственно исчезать бесследно (с. 498–499). Некоторые из них могут быть востребованы и востребуются современным российским обществом. Тогдашний консерватизм являлся сложнейшим переплетением традиционализма, патриархальности, реформистских, прогрессивных, националистических, социалистических и других тенденций, но главное заключалось в установке: «реформа ради России», а не «Россия для реформы» (с. 7–8).

Завершая разговор, важно отметить, что работа Репникова обладает рядом достоинств, которые ставят ее в один ряд с лучшими исследованиями по указанной проблематике: автор сохраняет всегда строго выдержанную объективную позицию. Репников отлично показывает и даже «транслирует» взгляды консерваторов, исходящие из их внутренней логики, а не из ярлыков, навешанных их политическими оппонентами. Автор представил ясное, цельное, сущностное видение роли и места консерватизма в предреволюционной России.

В. Ю. Рылов,
кандидат исторических наук